

8. Сыромятников И.В. Организация психологической работы в воинской части в мирное время. М., 2000.

9. Сыромятников И.В. Становление профессиональной деятельности психолога воинской части сухопутных войск: дис... канд. психол. наук. М., 1997.

10. Заикин В.Ю., Наумлюк А.Г. Психологические особенности военно-профессиональной деятельности // Сб. трудов XIV Междунар. студ. Конф. «Студенческий научный форум – 2022» [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018030607>

11. Феденко Н.Ф., Галицкий А.Н. Психологические аспекты преодоления конфликтов в воинских коллективах. М., 1982.

12. Щукина Г.И. О структуре деятельности // Галина Ивановна Щукина. Труды и дни / Ред.-сост. М.А. Верб, И.Г. Шапошников. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. С. 111–114.

DOI: [10.34773/EU.2023.4.14](https://doi.org/10.34773/EU.2023.4.14)

Особенности современного политического протеста в Киргизской Республике*

Features of Modern Political Protest in Kyrgyz Republic

Э. ГАЕТКУЛОВ

Гаецкулов Эмиль Наилевич, аспирант кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: gaetkulovemil@mail.ru

В статье на материалах авторских исследований с помощью сопоставительного анализа случаев политических протестов и анонимного опроса граждан выделяются такие особенности современного политического протеста в Киргизской Республике, как радикальный характер, большие трудности в установлении конструктивного диалога между представителями государственной власти, оппозиционными партиями и движениями, рядовыми гражданами, высокая роль патронажа и традиций.

Ключевые слова: политический протест, Киргизия, внутренняя политика, политический процесс, СНГ.

Based on the materials of the author's research, using a comparative analysis of cases of political protests and an anonymous survey of citizens, the article highlights such features of modern political protest in the Kyrgyz Republic as radical nature, great difficulties in establishing a constructive dialogue between government officials, opposition parties and movements, ordinary citizens, the high role of patronage and traditions.

Key words: internal policy, political protest, Kyrgyzstan, political process, CIS.

Основные положения

1. Выделяются три основные актуальные тенденции политического протеста в Киргизии Республике: уменьшение действенности и значимости политического протеста по мере его разрастания; постепенная дифференциация гражданских активистов по группам, интересам и выдвигаемым требованиям; радикализация большинства протестных выступлений.
2. Незрелость и рыхлость гражданской культуры в Киргизии обуславливает довольно низкую эффективность политического протеста рядовых граждан.
3. Негативным фактором является очень слабое влияние общественности на формирование политической повестки дня, на ее реализацию, на принятие ключевых решений.

* Ссылка на статью: Гаецкулов Э.Н. Особенности современного политического протеста в Киргизской Республике // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 4. С. 75–80.

Введение

В Киргизской Республике продолжается развитие форм и характера политического протеста, что оказывает заметное влияние на политику этого государства. В связи с этим важной исследовательской задачей является определение специфики современного политического протеста в Киргизии для фундированной оценки текущих событий и подготовки научных обоснованных прогнозов развития политической и геополитической ситуации в Среднеазиатском регионе и в СНГ. Кроме того, исследование случаев выражения массового недовольства в Киргизии позволяет дополнить современное научное знание о политическом протесте, его мотивах, характере, тенденциях.

Выбор Киргизской Республики для исследования вряд ли нуждается в дополнительном пояснении, ведь она является, пожалуй, лидером в СНГ по количеству и масштабу массовых выступлений недовольных граждан и групп интересов, стремящихся повлиять на политический процесс и принятие решений, изменить систему власти.

Методы

Для проверки авторской гипотезы и причинно-следственной оценки рассматриваемых явлений проведены два исследования.

Сделан сопоставительный анализ случаев и ивент-анализ политических протестов в Республике Киргизии в 2004, 2010 и 2020 гг. на базе каталога массовых протестных событий с применением насилия (*violent demonstration* и *mob violence*), составленного экспертами ACLED – 128 случаев с 01.01.2000 по 31.03.2023 (acleddata.com).

В феврале-мае 2022 г. 186 работающих в России киргизских граждан анонимно опрошены о представлениях, сложившихся у них о политических протестах в их стране, а также об их опыте участия в таковых. Выборка составлена следующим образом: посредством личных знакомств автора среди представителей киргизской диаспоры в возрасте от 25 до 40 лет была распространена анкета для анонимного заполнения. Возраст двух третей опрошенных составляет 25–30 лет. Старше 30 – остальные 30 %. 97 % – мужчины, 3 % – женщины.

Результаты

В ходе опроса были получены следующие данные. 62 % респондентов указали, что они родом из южных регионов, 29 % – из северных регионов, 9 % – из центральных регионов Киргизии. 64 % заявили о своем общем среднем образовании, 27 % – о высшем образовании, 9 % – о среднем специальном образовании. 87 % опрошенных работают в сфере обслуживания.

Ответы опрошенных о причинах вовлеченности в политический протест распределились почти поровну по трем основным группам: 28 % откликнулись на просьбы земляков (сюда же относятся друзья, родственники, ближний круг), на 33 % повлияли «батыры», 26 % проявили собственную инициативу (характерно, что в этой группе преобладают жители городов – Бишкека, Оша, Джалал-Абада, Каракола), 19 % мобилизовались по материальным соображениям.

Целенаправленность акций политического протеста 68 % опрошенных определили совокупно: привлечение внимания властей к наиболее острым проблемам общества, стремление изменить положение дел в стране к лучшему, оказать массовую поддержку землякам, друзьям, родственникам, покровителям.

63 % респондентов уверены в том, что протесты эффективны частично; 23 % высказались за то, что сами по себе протесты неэффективны; 14 % затруднились ответить.

49 % опрошенных не поддерживают действующую власть; 24 % заявили о поддержке действующей власти; 27 % затруднились ответить.

38 % опрошенных готовы самостоятельно принять участие в акциях протеста, если таковые снова начнутся. 21 % не намереваются участвовать в протестах в дальнейшем. 41 % затруднились ответить.

В целом опрошенные согласились с тем, что основополагающими чертами современного политического протеста и гражданской активности Киргизии являются радикальный характер, большие трудности в установлении конструктивного диалога между представителями государственной власти, оппозиционными партиями и движениями, рядовыми гражданами, высокая роль патронажа и традиций.

Эти данные подтверждаются событиями политических протестов в периоды электоральных циклов в марте 2005 г., апреле 2010 г., октябре 2020 г. Тогда многие политические акторы не желали идти на уступки, не ставили перед собой задачу прийти к компромиссу в деле проведения радикальных реформ, выдвигали требования немедленной отставки должностных лиц, усугубляли ситуацию путем мобилизации сторонников, доводили до кровопролития с обеих сторон. По словам очевидцев и экспертов событий 2010 г. [13], недовольство протестующих сильно возросло в связи с тем, что их соотечественников расстреляли по приказу утративших доверие народа киргизских чиновников, открыто попиравших закон, нарушавших гражданские права, присвоивших основные блага [11].

Заметной спецификой политических протестов Киргизии стало то, что ключевую роль в них играли не политические партии, молодежные движения или финансируемые из-за рубежа некоммерческие организации (что, по мнению исследователей, является обычным делом для политического участия подобного рода [12]), а то, что политический протест осуществлялся на базе традиционных институтов и разветвленной патронажной сети. Еще одной особенностью стало то, что базой политического протеста оказались не столица и крупные города, а провинция, регионы, в основном – сельские поселения. Периферийный патронаж, клиентелы, традиционные сети стали ведущей силой политического протеста в Киргизии.

Главным поводом для массового политического протеста в октябре 2020 г., как в феврале-марте 2005 г. и в апреле 2010 г. стали итоги прошедших в республике 4 октября парламентских выборов, которые многие сочли нечестными и несправедливыми. Так, необходимый для прохождения в Жогорку Кенеш семипроцентный барьер преодолели только четыре партии из шестнадцати. Повышенное недовольство было вызвано результатами партии брата действующего президента «Биримдик» («Единство»), набравшей 24,5 % голосов, и получившей 23,9 % партии «Мекеним Кыргызстан» («Родной Кыргызстан»), за которой стоит бывший заместитель главы Таможенной службы Р. Матраимов. Указанные фигуры известны как крупнейшие коррупционеры республики [5]. Особенно скандальным оказалось то, что двенадцать партий, якобы, не набравших необходимого количества голосов, являлись действительно влиятельными силами на политическом поле Киргизии: «Ата Мекен», «Республика», «Бил Бол», «Социал-демократы» и др.

Сторонники не прошедших в парламент партий с 5 октября 2020 г. собирались на митинги, которые перешли в столкновения с полицией и прорыв в Белый дом, где расположены парламент республики и администрация президента, вскоре охваченные пожаром [4]. На стороне протестующих оказались многие должностные лица и полицейские. На фоне разрастания кризисной ситуации мэр г. Бишкека подал в отставку, а его место занял представитель оппозиционных сил.

Протестные настроения охватили и юг Киргизии. Как считает М. Сариев, стремительный захват власти протестующими на юге, почти не встретивший сопротивления, свидетельствует об уменьшении различий и конфликтов между северными и южными регионами Киргизии. Подтверждением этому стало и то, что не был вновь поставлен вопрос о создании южной республики, столь актуальный в период нахождения у власти К. Бакиева [9].

Массовыми акциями протеста воспользовались криминальные элементы, совершившие нападения на завод «Киргизское золото», аэропорт «Манас», месторождение золота Джеруй.

Под давлением общественности С. Жээнбеков вынужден был сложить с себя президентские полномочия. В этих обстоятельствах во многом благодаря поддержке на улицах на передний план выдвинулся С. Жапаров. После некоторых разногласий, трудностей, противоречий и рокировок

(в том числе – отказ действующего спикера Жогорку Кенеш К. Исаева от исполнения обязанностей президента согласно конституции и его уход в отставку), обусловленных общей нестабильностью и не самой высокой организованностью и сплоченностью оппозиционных сил, С. Жапаров приступил к временному исполнению обязанностей президента Киргизии. Обязанности спикера парламента были возложены на Т. Мамытова, близкого друга С. Жапарова.

С. Жапаров энергично взялся за процесс урегулирования политического кризиса и за прекращение массовых протестов. Будучи родом с севера страны, он первым делом посетил южные регионы, где укрепил свои и без того довольно сильные позиции. Дополнительным фактором явилось то, что он принадлежит к старинной и наиболее многочисленной народности бугу, которая компактно проживает около озера Иссык-Куль в северной Киргизии [10].

Необходимо отметить, что киргизское общество обладает весьма специфической политической культурой, в которой сочетаются современные и традиционные элементы. С одной стороны, в ходе советской модернизации возник обширный слой образованных людей новой формации, во многих местах Киргизии успешно прошла урбанизация и индустриализация, с начала 2000-х гг. многие, в особенности молодежь, приобщились к новым информационным и цифровым технологиям, вовлеклись в современные формы общественной жизни, стали менее религиозными. С другой стороны, крепкими, тесными и закрытыми остаются кланово-семейные связи, которые продолжают служить основанием и важным фактором социализации и жизнедеятельности. До сих пор большое значение для жизненного пути киргизов имеют семья, авлод (расширенная семья, ближний круг), мужские объединения, землячества и т.п. Эти группы базируются на глубокой преданности и лояльности, на взаимовыручке своих членов, в них действует сложная система взаимных обязательств [3]. Поэтому для постороннего наблюдателя во многих случаях остаются неясными многие мотивы и механизмы политической деятельности, в том числе протестной. Аналогичным образом дело обстоит и с государственной системой. Вследствие изложенного выборы в Киргизии – это имитация, скрывающая результат договоренностей между кланами. Многопартийность также представляет собой условность, партийная система отражает регионально-клановый расклад политических сил.

Через большинство исследований массовых политических протестов в Киргизии красной нитью проходит тезис о том, что главными причинами недовольства большей части населения, не сумевшей извлечь преимущества из меняющихся условий, являются высокий уровень коррупции; сильное социальное расслоение; отсутствие элементарных личных прав и свобод; отстранение периферийной части политического класса от власти и связанных с ней благ [7].

Эти обстоятельства усиливаются в ходе расширения глобализации, большего вовлечения Киргизии в мировые экономические связи, в процессе постепенной эрозии традиционного уклада жизни.

Обсуждение

Анализ политических событий в последнем десятилетии позволяет выделить три основных тенденции политического протеста в Киргизии.

Во-первых, по мере разрастания политического протеста парадоксальным образом уменьшается его действенность и значимость. Причин этому несколько: переутомление гражданских активистов от длительной политической мобилизации; снижение порога чувствительности граждан и правительства к протесту, который начинает восприниматься как рутинное мероприятие; неспособность структур власти быстро и адекватно реагировать на требования общественности; перегруженность медиа многочисленными сообщениями о разных протестных акциях.

Вторая тенденция современного политического протеста в Киргизии заключается в постепенной дифференциации массы участвующих в уличных акциях гражданских активистов по группам интересам и выдвигаемым требованиям. Наиболее сплоченными, мотивированными, дееспособными, остро реагирующими на нарушения оказываются те, кто объединяется в группы на основе общих местных интересов (трудовые коллективы, односельчане и пр.), принципа родства, высокой лояльности [1].

Третья тенденция современного политического протеста в Киргизии состоит в радикализации большинства протестных выступлений, даже тех, которые начинаются с умеренных требований и не касаются крупных политических вопросов. Еще одной причиной радикализации является распространенная практика объединения вышедших на улицы гражданских активистов в коалиции для достижения своих целей, которые могут быть самыми разными. К таким объединениям примыкают и радикалы, которые, хотя и малочисленны, однако громче всех заявляют о себе, привлекают других обещаниями достичь результатов скорейшим образом.

Несмотря на довольно большой опыт политического протеста в Киргизии (в сравнении с другими странами Средней Азии – возможно, самый большой), здесь до сих пор не сложилось действительно независимого устойчивого консолидированного оппозиционного движения, возглавляемого лидером, представляющим убедительную альтернативу действующей власти.

Разобщенность и рыхлость протестного движения в Киргизии позволяет структуре власти сохранять преимущественное положение в политике. Сам политический протест не представляется большой угрозой статусу-кво действующей власти (хотя «тюльпановая революция» и события апреля 2010 г. служат постоянным предостережением), пока она не позволяет разрастаться неблагоприятным факторам.

Протестное движение в Киргизии, в основном, используется системной политической оппозицией как инструмент давления на правительство снизу. При этом все дивиденды получают политические партии и их лидеры, а ставшие причиной волнений потребности общественности, как правило, остаются без должного удовлетворения.

М. Сариев отмечает, что на внутренние дела Киргизии (как впрочем, и в других странах Средней Азии) большое влияние оказывают внешние, иностранные акторы: «Как показывают квазиреволюционные события, имевшие место... на пространстве СНГ, участниками внутригосударственной борьбы за власть и конфликтов на данной почве является множество различных субъектов, обеспечивающих продвижение геополитических интересов других держав» [9].

В ходе массовых политических протестов очень четко обозначилось фрагментация киргизского общества по региональному признаку. В основном, разделение произошло по границе между севером и югом. Так, выдвижение политических требований оппозиционными группами южных регионов Киргизии (где проживает электоральное большинство) активизировало представителей интересов северных регионов, отличающихся консерватизмом и поддерживаемых действующей властью. Дифференциация между севером и югом Киргизии складывается как естественным образом, так и при помощи политических технологий, широко используемых для сохранения раскола в киргизском обществе. Успех оппозиционеров из северных кланов во многом обеспечен с помощью т.н. «батыров», представляющих особое явление в политическом протесте Киргизии. «Батырщиной» в республике называют региональные молодежные движения, чаще всего возглавляемые криминальными авторитетами. Социальная база этих движений – это многочисленная сельская молодежь, не имеющая средств, перспектив, и не удовлетворенная своим текущим статусом. Исторические корни «батырщины» находятся в практике прошлых веков, когда населяющие горные ущелья киргизские племена нападали друга на друга и соседей, грабили, уводили скот и женщин, что считалось признаком доблести [2].

При этом массы рядовых граждан с обеих политических сторон практически никак не оформлены, не институционализированы, весьма аморфны, не располагают ясно сформулированным идейным обоснованием. Какие-либо видимые очертания они принимают лишь в ходе борьбы между правительственными и оппозиционными группами сторонником интересов севера и юга Киргизии, мобилизующими их для решения своих задач.

Заключение

Таким образом, самостоятельный потенциал киргизских протестных движений (как всей совокупности противостоящих действующей власти граждан и групп интересов) очень невысок, их мобилизационная самоорганизация находится на довольно низком уровне.

На сегодня протестные движения пока не способны сформулировать перечень требований, который мог бы стать привлекательной повесткой для большинства населения. До сих пор не преодолена противоречивость и спорность политических требований, нет консенсуса относительно общей цели, к которой устремляются все участники протеста, не созданы общенациональные площадки для публичного обсуждения наиболее значимых проблем и для согласования позиций, для создания совместных организационных структур.

Литература

1. Дуйшалиева А. Специфика изучения феномена политического протеста и его культурного общественного восприятия в Кыргызстане // Известия вузов. 2013. № 4. С. 231–233.
2. Звягельская И.Д. Протестный пейзаж и политические режимы (арабские государства и страны Центральной Азии) // Уральское востоковедение. 2018. № 8. С. 51–69.
3. Иманбеков У.Т. Специфика социального протеста в Кыргызстане и его влияние на национальную безопасность страны // Известия НАН КР. 2021. № S6. С. 32–37.
4. Ионова Е.О. смене власти в Киргизии // Россия и новые государства Евразии. 2020. № IV. С. 73–86.
5. В Кыргызстане очередная революция: почему протестующие победили так быстро и при чем тут кланы и коррупция? [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/v_kyrgyzstane_ocherednaya_revolyutsiya_pochemu_protestuyushchie_pobedi_li_tak_byistro_i_pri_chem_tut_klanyi_i_korruptsiya_7756437?ysclid=ljcnmqyv0484283512
6. Киргизский переворот. Война кланов или влияние США [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1348722>
7. Мукамбетова Н.К. Массовый митинг, демонстрация, шествие как феномен социально-политического протеста в современном Кыргызстане // Известия НАН КР. 2021. № S6. С. 117–122.
8. Ривз М. Переломный момент: почему киргизы потеряли терпение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/04/22/reeves/>
9. Сариев М. Об особенностях деятельности кыргызской оппозиции // Политика и право. № 4. 2010. С. 23–29.
10. Как киргизы посадили «Робина Гуда»-популиста в президентское кресло [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/191742-что-происходит-в-киргизии-и-к-чему-приведет-очередной-переворот>
11. Шукуралиева Н. Феномен «цветных революций» в постсоветских государствах // PolitBook. 2017. № 1. С. 16–29.
12. Яковлев М.В. Российская демократия: особенности концепта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-2. С. 216–218.
13. Temirkulov A. Kyrgyz “revolutions” in 2005 and 2010: comparative analysis of mass mobilization // Nationalities Papers. 2010. Vol. 38. № 5. Pp. 589–600.